

DOI: 10.19181/snsp.2021.9.1.7869

От «РЕВОЛЮЦИИ» — К «ТРАНСФОРМАЦИЯМ» И «ПЕРЕМЕНАМ»? РАЗВИТИЕ ДИСКУРСОВ АНАЛИЗА КАЧЕСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ¹

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект 19-011-00277
«Социальная трансформация российского общества: акторы запроса на перемены»*

Ю. В. Латов¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН.
109544, Россия, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1

Для цитирования: Латов В. Ю. От «революции» — к «трансформациям» и «переменам»? Развитие дискурсов анализа качественных общественных изменений // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 1. С. 7–22. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.1.7869

Аннотация. Популярное в постсоветской России осуждение революций рассматривается как противоречащее общемировым трендам научного анализа, согласно которым именно революционные институциональные изменения наиболее важны для общественного прогресса. Эти идеи впервые были комплексно представлены основоположниками марксизма, а в XX в. западными социологами «достроены», с одной стороны, теориями революций в «производительных силах», с другой стороны, концепциями социологии революции. В российском же научном дискурсе в 1990–2000-е гг. произошло вытеснение обсуждения революционных изменений использованием менее конкретных концептов «социальной трансформации» и «перемен», а в 2010-е гг. оно сомкнулось с правительственным курсом на принципиальный отказ от любых революционных изменений. В результате отечественные социологи перестают различать революционные и эволюционные сдвиги в развитии российского общества, концентрируя внимание в основном на их травмирующем характере.

Ключевые слова: социология революции; марксистская социология; постмарксизм; социальная трансформация; перемены; «культурная травма»; институциональные изменения

Одним из наиболее популярных политических афоризмов в постсоветской России стало сделанное почти 30 лет назад высказывание лидера КПРФ Г. А. Зюганова: «наша страна исчерпала лимит на революции и прочие потрясения» [9]. Этот слоган прочно вошёл в отечественный политический дискурс: в 2010-е гг. его не раз воспроизводил Дмитрий Медведев², а во время обсуждения поправок к Конституции фактически повторил и президент («Нам достаточно уже было революций. Россия свой план по революциям выполнила»³).

---

¹ Автор выражает глубокую благодарность руководителю Центра комплексных социальных исследований Института социологии ФНИСЦ РАН В. В. Петухову за большую помощь при работе над данной статьёй.

² См., например: Медведев заявил, что в России исчерпан лимит на революции // Газета.ру. 21.06.2016. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2016/06/21/n_8790023.shtml (дата обращения: 15.07.20).

³ См., например: Россия выполнила свой план по революциям, заявил Путин // РИА Новости. 10.03.2020. URL: <https://ria.ru/20200310/1568386357.html> (дата обращения: 15.07.2020).

Этот образец современного политического юмора (действительно, можно ли всерьёз говорить о кем-то составленном лимите/плане на революции?) популярен, потому что неявно смешивает две трактовки революции – как братоубийственной борьбы за власть и как любых качественных изменений (в противоположность количественным, эволюционным), не обязательно насильственных и совсем не только политических. В последние годы хорошо заметна тенденция: отказываясь от революций в первом смысле слова, российская элита старается отказаться и от революций вообще, абсолютизируя ценность стабильности.

Стигматизация идеи революционных общественных изменений легко фиксируется на терминологическом уровне. Даже в научном сообществе при обсуждении желаемых качественных изменений их обозначают чаще всего как «перемены», как «радикальные реформы», но почти никогда – как «революции». Если посмотреть на стилистику правительственных нормативно-правовых актов, то можно обнаружить, что даже о революционных изменениях в экономике в таких документах упоминается крайне редко: за весь постсоветский период можно найти лишь четыре постановления Правительства Российской Федерации, в которых упоминаются «компьютерная революция», «технологическая революция» и «научно-техническая революция»¹. Критики существующего политического режима трактуют такое «вытеснение» дискурса о любых революциях как негативный результат правительственного курса [4]. За рамками обсуждения оказывается роль научного сообщества обществоведов, которое, по идее, могло бы противодействовать стремлению власти «забыть» революционные дискурсы.

Для понимания последствий ухода российских обществоведов от осмысления ранее произошедших и желаемых в будущем изменений в стране именно как революционных рассмотрим историю развития в макросоциологической мысли общетеоретических концептов качественных социально-экономических изменений. Хотя по теориям революций существует огромный массив литературы (см., например: [24]), их общая логика до сих пор не вполне осознана в отечественном обществоведении. Автор попытается показать, что развитие научных теорий революции неразрывно связано с марксистским дискурсом, а попытки избавиться от него ведут к снижению теоретического уровня обсуждения закономерностей качественных изменений в жизни общества.

Марксистские дискурсы анализа «революций»

Начало использования термина «революция» для обозначения качественных общественных изменений связано с британской «Славной революцией» 1688 г., которую историки начинают не без оснований называть «первой современной революцией» [16]. Действительно, с точки зрения российских «запросов на перемены» – желания сильных, умеренно-быстрых и прогрессивных национальных

---

¹ Приведены результаты поиска по справочно-правовой системе «Гарант». URL: <http://ivo.garant.ru>. (дата обращения: 20.02.2021).

изменений без гражданских кровопролитий — свержение Стюартов является едва ли не идеальным образцом таких изменений. Однако на представление об «образцовой» революции гораздо сильнее повлиял пример гораздо более жестокой Великой Французской революции 1789 г. Именно на осмыслении этой революции и её последствий, длинной серии революционных катаклизмов XIX в., сформировалось первое научное направление системного анализа качественных социальных трансформаций.

Речь идёт о марксистском обществоведении, которое вобрало многие идеи предшественников и современников (Д. Юма, Т. Карлейля, А. Бланки и др.) о различных видах революций (см., например: [23]). В марксистской теории революционные изменения стали не просто одним из главных объектов анализа, но даже фетишизированы как «локомотивы истории» [13, с. 86], будто без них общество, как поезд без паровоза, вообще стоит на месте. Это парадоксально контрастировало с тем, что специальных работ, посвящённых общей теории революций, основоположники марксизма не писали. Парадокс объясняется тем, что революции в изначальной версии марксистского обществоведения являлись в первую очередь органическим элементом формационной теории, объясняющей многовековое развитие человеческого общества. Поэтому политические перевороты, связанные с «надстроечной» борьбой за власть в отдельных странах, — далеко не единственная и даже не самая важная форма революционных изменений. Гораздо важнее качественные изменения в общественном «базисе», в производительных силах.

Новаторский вклад Маркса и Энгельса в осмысление революционных изменений часто сводят к концепциям буржуазных и пролетарских революций. Однако не менее важна предложенная ими и гораздо более системно изложенная концепция «промышленной революции» («промышленного переворота»), анализирующая взрывообразные социально-экономические изменения на рубеже XVIII–XIX вв. Оба революционных процесса, политический и экономический, рассматривались как тесно взаимосвязанные: качественные изменения в производительных силах стимулируют изменение классовой структуры общества и политические перевороты, смену доминирующих политических сил, которые затем обратным влиянием стимулируют экономические сдвиги, переводящие общество на качественно более высокий уровень развития.

Марксистский дискурс о взаимосвязанных революционных изменениях в экономике, социальной жизни и политике оказал сильное влияние и на обществоведов, не разделяющих марксизм. В частности, понятие «промышленная революция» получило широкое признание уже в конце XIX в. под опосредующим влиянием академических трудов известного английского историка-экономиста А. Тойнби-старшего. В дальнейшем именно это направление теории революций, акцентирующее внимание на качественных сдвигах в ресурсах, стало наиболее общепризнанным и популярным.

У марксистского дискурса политических революций оказалась более трудная судьба. Данное направление общей теории качественных изменений в жизни общества оказалось слишком тесно связано с политическими практиками совет-

ского марксизма-ленинизма (отчасти — и китайского маоизма). Из-за присущей таким режимам установки на «нерушимую верность заветам основоположников» их успехи часто вели к усилению догматизма в трактовке «заветов», а провалы — к остракизму марксизма как такового.

В советском обществоведении марксистский дискурс трансформации социальных систем обязательно через революционное обновление общества, когда политические революции интерпретируются как благотворный «праздник угнетённых и эксплуатируемых» [11, с. 103], стал единственно возможным. Эта отечественная традиция анализа политических революций связана даже не столько с идеями основоположников марксизма, сколько с трудами В. И. Ленина. Главной его теоретической инновацией стало понятие «революционной ситуации», которое В. И. Ленин обосновывал в работах 1913–1920-х гг. для описания условий, делающих возможными революционные трансформации. Если парадигма «революций в производительных силах» легко смогла уже в начале XX в. оторваться от марксистской идеологии и органично войти в общемировое обществоведение, то марксистско-ленинскому учению о политических революциях повторить такую деидеологизацию удалось лишь примерно на полвека позже.

Первая органично присущая ортодоксально-марксистской теории политических революций проблема — вопрос об акторах качественных изменений. Базовым условием революционных социально-политических трансформаций признавался в первую очередь активный запрос на качественные изменения со стороны широких слоёв населения («низы не хотят жить по-старому» [12, с. 218]). Проблема заключалась в том, что коммунистическое движение побеждало главным образом в *крестьянских* странах догоняющего развития, где *рабочий* класс был малочисленен. В высокоразвитых же странах этот социальный класс стремился защищать свои интересы в основном путём профсоюзных действий, к тому же во второй половине XX в. рабочий класс вообще стал постепенно растворяться в среднем классе. В результате на ключевой вопрос об акторах современной революционной политической борьбы марксистско-ленинский дискурс давал ответ, не вполне соответствующий даже реальным действиям самих коммунистических политиков.

Другой слабой стороной марксистской интерпретации радикальных социальных изменений прошлого и настоящего было сведение причин запроса на социальные изменения к конкуренции за материальные блага (отсюда — «обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетённых классов» [12, с. 218] как обязательный элемент революционной ситуации). Подобное грубо-материалистическое сведение мотивов социального недовольства *только* к качеству и уровню жизни методологически ограничено: согласно пирамиде Маслоу, забота о «хлебе насущном» образует лишь «нижний этаж» системы мотиваций. Такая редукция всех мотивов социального протеста к желанию роста доходов тоже всё менее соответствовала реальной жизни: во второй половине XX в. массовым феноменом стали сначала антиколониальные, потом «исламские» и, к концу века, «цветные» революции, принципиально не сводимые к реакции на «обострение нужды и бедствий».

Таким образом, хотя в рамках ортодоксально-марксистского подхода к формированию целостной обществоведческой теории качественных общественных изменений удалось добиться крупных успехов, к середине XX в. его креативный потенциал оказался в основном исчерпан, а гибель «социалистического лагеря» окончательно его маргинализировала.

Постмарксистские дискурсы анализа «революций»

В XX—XXI вв. теория революционных изменений разошлась на два потока — на изучение, выражаясь марксистской терминологией, «революций в общественном базисе» (т. е. в социально-экономической сфере, прежде всего в «производительных силах») и «революций в общественной надстройке» (в социально-политической сфере).

Лучше всего сложилась судьба у теорий «базисных» революций, ведущих происхождение от анализа Марксом и Энгельсом промышленной революции [10]. Уже в начале XX в. данный концепт не просто завоевал популярность, а стал энергично дополняться анализом других межформационных революций. В 1920-е гг. британский историк-марксист Г. Чайлд ввёл в научный оборот понятие «неолитическая революция», а с 1950-х гг. в трудах теоретиков постиндустриализма (Д. Белла, О. Тоффлера и др.) развивается концепция «научно-технической революции». Таким образом, марксистскую концепцию революций как сдвигов от одной формации к другой (первобытность → докапиталистические классовые общества → капиталистическое классовое общество → посткапитализм) удалось «достроить» почти через век после смерти её основоположников.

Более того, в процессе освоения академической наукой парадигмы революций в производительных силах сложилась традиция называть «революциями» и многие другие, более частные качественные скачки в социально-экономической жизни. Поэтому в настоящее время обществоведы (главным образом историки и экономисты) широко используют такие концепты, как «городская революция», «аграрная революция», «финансовая революция», «научная революция», «образовательная революция» и т. д. Многие типы таких революций имеют разновидности, соответствующие разным фазам развития общества (три вида аграрных революций, три вида образовательных революций...), так что триада «неолитическая революция — промышленная революция — НТР» проецируется на соответствующие триады революционных изменений в конкретных видах социально-экономической деятельности. От скрещивания этих теорий с предложенной в 1920-х гг. отечественным экономистом Н. Д. Кондратьевым концепцией «длинных волн конъюнктуры» родилась активно развиваемая с 1980-х гг. С. Ю. Глазьевым и его последователями теория смены технологических укладов [2], которая снимает абсолютизацию революционных инноваций, трактуя развитие «производительных сил» (технологий) как чередование революционных и эволюционных фаз.

Таким образом, марксистская идея «революций в производительных силах» так давно и прочно институционализировалась, что её марксистские корни часто даже не замечаются. «Врастание» в современное обществоведение марксистских концепций о политических революциях происходило позже. В современной западной социологии революций тоже сохраняется марксистский «фундамент», откровенно признаваемый классиками этого направления.

В западной социологии теория революций начала формироваться с 1950-х гг., когда частым феноменом стали сначала массовые протестные выступления в странах «третьего мира», а затем (с 1968 г.) и в самих развитых странах. В конце 1970-х гг. почти одновременно вышли монографии американских историков-социологов Ч. Тилли [19] и Т. Скачпол [18], ставшие основой современной западной традиции анализа революций. Эти две книги удачно дополняли друг друга: первая являлась общей теорией революционных политических процессов, а вторая – теоретической интерпретацией трёх великих революций (французской в XVIII веке, российской и китайской в XX в.). Оба автора однозначно признавали свою преемственность по отношению в первую очередь именно к марксистской традиции.

В монографии Тилли «От мобилизации к революции» (1978 г.) автор выделил четыре научные традиции анализа коллективных действий (Д. С. Милля, К. Маркса, Э. Дюркгейма и М. Вебера), охарактеризовав свою позицию как «упрямо антидюркгеймовскую, решительно промарксистскую, но иногда терпимую к Веберу и иногда полагающуюся на Милля» [19, с. 75]. «Промарксизм» Тилли проявляется, в частности, в активном использовании им (со ссылкой на Л. Д. Троцкого) концепта «революционной ситуации» – нарастания раскола («многовластия») в обществе, который может быть преодолен как в рамках нормального политического процесса, так и путём силовых столкновений сторонников и противников разных путей общественного развития. В качестве признаков революционной ситуации Тилли выделял не только появление внесистемных политических группировок, требующих контроля над государством, но и поддержку этих требований со стороны значительной части населения. Принципиально важным дополнением к «старым» марксистским идеям стала установка Тилли на выявление широкого диапазона различных типов политических трансформаций – от «обычной политики» (небольшие изменения без раскола общества) до «великой революции» (полномасштабные изменения в условиях раскола общества) [19, с. 272]. В рамках этой палитры есть место и для «тихой революции»¹, которая ведёт к очень сильным изменениям без раскола общества: фактически здесь речь идёт именно о том феномене, который в наши дни одни называют «цветными» революциями, другие – радикальными реформами. Предложенный Тилли подход по

---

¹ Этот совершенно забытый к настоящему времени термин связан с событиями 1960-х гг. в Канаде, где франкоязычное население Квебека смогло мирными методами добиться резкого усиления автономии и ряда других качественных социально-экономических изменений.

существо вообще стирает грань между реформой и революцией, поскольку в фокусе внимания оказывается не применение насилия (именно по этому критерию часто противопоставляют реформы и революции), а масштаб изменений, так что мирная реформа может быть революционнее вооружённого переворота.

Если монография Тилли посвящена сравнительному анализу очень широкого набора разновидностей политической борьбы, то Скачпол в своей книге «Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая» (1979 г.) сконцентрировалась на сравнительном анализе только «великих революций». Свою преемственность по отношению к марксизму Скачпол отмечает не менее чётко, чем Тилли: «концепция социальной революции, используемая здесь, — пишет она, — в большой степени базируется на марксистском подходе, придающем большое значение социально-структурным изменениям и классовым конфликтам» [18, с. 42–43].

Скачпол удалось, сохраняя марксистский понятийный аппарат («классовый конфликт», «революционная ситуация» и т. д.) и марксистскую установку на анализ действий крупных классов, избавиться от доктринальной установки на непременно пролетарский характер революций, возглавляемых коммунистами. На самом деле, по её мнению, все три великие революции были по своим движущим силам крестьянскими и направлены, в конечном счёте, на коренную трансформацию именно класса крестьян в условиях назревающей промышленной модернизации. Такой подход кажется резко противоречащим ортодоксально-марксистской традиции противопоставления социалистических революций буржуазным. В то же время он хорошо согласуется с концепциями догоняющего развития: в их рамках давно сформировался взгляд на разные «социалистические эксперименты» как на форму «контрмодернизации», решающей в основном те же проблемы, что и «нормальная» западная модернизация (прежде всего — превращение крестьян в фермеров и рабочих), но «ненормальными» методами.

Таким образом, в результате «достройки» марксистской парадигмы западным постмарксистам удалось относительно успешно решить те вопросы, которые советские марксисты не могли даже чётко ставить, — и о мнимопролетарском (на самом деле крестьянском) характере коммунистических революций, и о мнимобязательном примате у революционных масс материальных интересов (который наблюдается скорее как общая тенденция).

Последующее развитие социологии революций связано с повышением внимания к соотношению насильственных и мирных качественных трансформаций. Это связано с тем, что если раньше «тихая революция» рассматривалась скорее как исключение, то в конце XX в. основной формой массовых протестов с требованиями радикальных изменений стали «цветные» революции, принципиально отвергающие (по крайней мере, на уровне лозунгов) применение насилия.

В российском обществоведении устойчиво сохраняется давно устаревшее понимание революции по С. Хантингтону (из «Политического порядка в меняющихся обществах» (1968 г.)): «Революция — это быстрая, фундаментальная

и насильственная [курсив мой. – Ю. Л.], произведённая внутренними силами общества смена господствующих ценностей и мифов общества, его политических институтов, социальной структуры, руководства, правительственной деятельности и политики» [21, с. 269]). Однако в зарубежном «революциоведении» гораздо чаще используется определение Скарчпол: «Социальные революции – это быстрые, фундаментальные трансформации общественного состояния и классовых структур; и они сопровождаются и частично проводятся через классовые восстания снизу» [18, с. 25]. Как видно, из определения Хантингтона осталось понимание революции как быстрых и фундаментальных изменений, но ушло указание на обязательно насильственный их характер. Ссылка на «классовые восстания», которые трудно представить без применения насилия, связана с тем, что Скарчпол анализировала в первую очередь «великие революции» прошлого и ещё не могла отразить в определении опыт развернувшихся в 1980-е гг. «цветных» революций, где вооруженные восстания заменялись массовыми протестными выступлениями безоружных граждан. Реакцию обществоведов на этот новый тип революционных событий выразил уже в 2000-е гг. американский социолог Д. Голдстоун, попытавшийся дать «более современное определение революции: это попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть» [3, с. 61]. Хотя в целом такое определение менее удачно, чем у Скарчпол (революция сведена только к политическим преобразованиям), из него полностью ушли ссылки на насильственные действия протестующих масс.

Таким образом, к концу XX в. марксистский дискурс о социально-политических революциях органично вошёл в современное обществоведение, подобно тому как раньше это произошло с марксистским дискурсом о революциях в производительных силах. «Марксистский след» в социологии революций выражен даже сильнее: если при обсуждении межформационных сдвигов фокус обсуждения давно сместился с охарактеризованной Марксом «промышленной революции» на НТР, то при обсуждении политических катаклизмов по-прежнему активно используют концепт «революционной ситуации» с неизбежной отсылкой на российских марксистов столетней давности.

Дискурсы российского анализа «трансформаций» и «перемен»

Российское обществоведение в постсоветский период оказалось в парадоксальном положении. Казалось бы, советско-марксистское «воспитание» должно было облегчать восприятие дискурсов западного постмарксизма и в области

теорий формационного развития, и в сфере концепций социально-политических трансформаций. Однако получилось едва ли не диаметрально наоборот: принудительность советского марксизма привела к стремлению большинства «освободившихся» учёных максимально дистанцироваться от всего, что напоминало наследие Маркса. В результате изучение революций даже на историческом материале характеризовалось упорным стремлением уйти от самого понятия «революция», заменив его «смутой», «переворотом» и т. д. Подобное сознательное отчуждение от марксистской традиции¹ скорее затрудняло, чем облегчало как сближение отечественного обществоведения с зарубежным, так и понимание собственного постсоветского развития.

Одной из первых попыток системного макросоциологического теоретического обобщения отечественного развития на рубеже XX—XXI вв. стала работа Т. И. Заславской «Современное российское общество. Социальный механизм трансформации» (2004 г.). Интеллектуальный лидер «новорождённой» российской социологии попыталась сформировать целостное представление о революционном по своей сути процессе системных качественных изменений российского общества в 1990-х гг. Однако при взгляде на эту книгу удивляет принципиальная установка на максимальное избегание «революционной» терминологии. Автор книги, полемизируя с выдвигаемой либеральными экономистами (прежде всего, Е. Т. Гайдаром и В. А. Мау) концепцией Великой российской революции 1991—1993 гг., отвергла её по нескольким основаниям: в стране не произошло радикальной смены элиты, массовые общественные движения не получили большого развития, во время преобразования не решались «проблемы большинства», а масштабы политического насилия были весьма ограничены [7].

Конечно, с точки зрения современной социологии революции такое обоснование вызывает *очень* сильные сомнения: заметно, что автор понимала сущностные черты революции слишком упрощённо (например, «Славную революцию» 1688 г. на основании такой логики тоже следовало бы лишиться статуса революции). Такое отрицание выдвинутой ещё Тилли идеи о широком диапазоне политических действий революционного характера (включая «тихую революцию», на которую события 1991—1993 гг. сильно походили) опиралось на мнения большинства россиян, которые, как это нередко бывает во время революций, отнюдь не чувствовали себя участниками романтического «праздника угнетённых и эксплуатируемых». Позже, в 2010-е гг., на стигматизацию «революционаризма»

¹ Фактически при этом происходил переход на социально-психологический дискурс анализа революций, который за рубежом был чётко выражен ещё в классическом труде Т. Р. Гарра «Почему люди бунтуют?» (1970 г.): протестные настроения и насильственные действия связаны в первую очередь с массовой депривацией, из-за чего недовольные своим положением и ранее аполитичные люди идут за диссидентскими лидерами. В предисловии к российскому изданию своей книги Т. Р. Гарр прямо указал, что его книга была написана на основе априорного предположения, что исследуемое им явление «возникает как *нерациональная* [курсив мой. — Ю. Л.] реакция на фрустрацию» [1, с. 34]. На Западе такой подход к анализу революций альтернативен постмарксистским подходам Ч. Тилли и Т. Скачпол, пользующийся меньшей популярностью.

стала сильно влиять и официальная установка об исчерпании Россией «лимита на революции» как часть общего отторжения не только «советского марксизма», но и марксистского дискурса о развитии общества в целом. В связи с этим следует согласиться, что «применение понятия “революция” оправданно только при стадийном понимании истории – как перехода на новую стадию. Там, где не признаётся стадийность, не признаются и революции» [6, с. 294].

Отвергнув концепт «революции», Т. И. Заславская выдвинула утверждение, что «в 1990-х в России происходила не революция, а эволюция» – «началась стихийная трансформация общества, которая привела к резкому ослаблению государства и растущей криминализации общества» [8, с. 186]. В качестве главных отличительных особенностей данной трансформации она выделяла следующие признаки: «1) постепенность и относительно мирный характер протекания; 2) направленность на изменение не отдельных частных сторон, а сущностных черт, определяющих социальный тип общества; 3) принципиальная зависимость хода и результатов процесса от деятельности и поведения... массовых общественных групп; 4) слабая управляемость и предсказуемость процесса, важная роль стихийных факторов развития, непредрежённость его итогов; 5) неизбежность... анонии, обусловленной опережающим разложением старых общественных институтов по сравнению с созданием новых» [8, с. 187]. Все эти признаки «социальной трансформации» совпадают с характеристиками мирной социально-политической революции, как её описывали в западной социологии революции и даже в советском обществоведении. Действительно, корректно ли называть эволюцией изменение *сущностных* черт общества в условиях зависимости от деятельности *массовых* слоёв? Неужели для «полноценной» революции обязательно нужна ещё и гора трупов?

Концепт «социальной трансформации» оказался активно воспринят российским научным сообществом (см., например: [5]), поскольку удачно соединил признание качественных изменений в постсоветской России с протестом против захвата основных выгод экс-номенклатурными элитными группами. Историко-компаративистский подход, органичный для западной социологии революции, подсказал бы, что и во время других революций львиную долю выгод чаще всего первоначально получали именно элиты, а массовые группы населения существенно улучшали свое положение лишь с лагом времени. К сожалению, компаративистские сравнения ситуации в России с путями развития других стран стали развиваться в нашей стране с большим запозданием, когда переход с концепта «революции» на концепт «социальной трансформации» стал свершившимся фактом.

Сильное влияние подхода Т. И. Заславской к осмыслению постсоветских преобразований сохраняется до настоящего времени, что хорошо заметно по монографии Ж. Т. Тощенко «Общество травмы: между эволюцией и революцией» (2020 г.) [20] – наиболее свежей попыткой комплексного макросоциологического обобщения постсоветского развития. Сама по себе концепция «общества травмы» является развитием концепта «культурной травмы», предложенной польским социологом П. Штомпкой почти 20 лет назад [22] для характеристики экс-соци-

алистических восточноевропейских стран, граждане которых, как и россияне, рассчитывали на гораздо более позитивные результаты антикоммунистических революций. Новизна подхода Ж. Т. Тощенко выражена в названии: длительное состояние травмированности социума предлагается рассматривать как «третью модальность», равнозначную с состояниями эволюции и революции. Такой подход хорошо корреспондируется с предложенным Т. И. Заславской взглядом на результаты реформ 1990-х гг. как на затяжной кризис, в ходе которого граждане пребывают в состоянии аномии, а общество теряет вектор развития. Не менее хорошо он соответствует и характеристике «потеря старого мира без приобретения нового», которую К. Маркс использовал более чем полтора века назад для обозначения первоначальных результатов «британского владычества в Индии» [14, с. 132]. Разница в том, что Маркс считал это длительное состояние не «третьей модальностью», а трагическим элементом той — в целом прогрессивной! — «социальной революции», к которой должен был привести западноевропейский колониализм (что и произошло в дальнейшей истории Индии).

На примере «Общества травмы» хорошо видны плюсы и минусы предложенного Т. И. Заславской отказа от «революции» в пользу «социальной трансформации». Корифеем отечественной социологии удаётся на основе такого подхода обобщать уже произошедшие качественные социальные, экономические и политические сдвиги в жизни страны, причём не апологетически, а остро критически. Однако платой за это становятся потеря понимания перспективы национального развития и невозможность его прогнозирования. Действительно, отечественная социология не проявила способности «работать на опережение», предсказывая ещё не свершившиеся, но уже назревшие повороты. Это относится и к либеральной революции 1991—1993 гг., и к государственническому «контрповороту» первой половины 2000-х гг., и к резкому усилению державного патриотизма в первой половине 2010-х гг. Когда в 2000—2010-х гг. стали усиливаться гиперкритические оценки распада СССР (как не социально-политической революции, пусть весьма несовершенной и во многом незавершённой, а «предательства национальных интересов»), то российская социология так до сих пор и не смогла противопоставить этой политизированной критике комплексный научный взгляд на события начала 1990-х гг. как на начало длительного революционного процесса с неизбежными жертвами и обретениями, приливами и отливами.

Поскольку замена анализа диалектики эволюционных / революционных изменений на использование концепта «социальной трансформации» не снимала проблемы изучения качественных изменений, отечественным социологам пришлось искать дополнительные понятия. Отечественным социологам нужно было найти термин не настолько академичный, как «социальная трансформация», и не настолько пугающий, как «революция», и в то же время позволяющий выявлять стремление россиян именно к качественным, а не к количественным изменениям в обществе. В 2000—2010-е гг. такой термин был найден — им стал термин «перемены». Смысл этого термина в российском социологическом дискурсе плавно сдвигался: если в 1990-е гг. он был полностью синонимичен обычным «изменениям»,

то в последние два десятилетия стал трактоваться как качественные и даже радикальные изменения. Именно в этом смысле он всё более широко используется не только в СМИ, но и в научной литературе ([17; 15] и др.), и в социологических опросах.

Термин «перемены» формально-лингвистически означает *любые* существенные изменения, не обязательно ведущие к качественному изменению «правил игры». Однако российский культурный контекст использования этого понятия с 1980-х гг. таков, что он связан в первую очередь именно с *радикальными* институциональными изменениями, «взрывающими» традиционные социально-экономические и политические правила.

Данный термин-мем с позднесоветских времён является частью российской системы «эзоповой речи», задавая критическую (по отношению к существующему политическому режиму) ориентацию обсуждения желательных изменений. Он восходит к популярной песне второй половины 1980-х гг. «Мы ждём перемен» Виктора Цоя («Перемен требуют наши сердца...»), ставшей одним из символов движения за радикализацию «перестройки». Этот символ был удобен в последние годы существования СССР тем, что, совершенно никак не обозначая направление желаемых изменений, он привязывал желание перемен к негосударственному дискурсу («всё находится в нас») и придавал этому желанию сильную позитивную эмоциональную окраску. На протяжении 1990–2010-х гг. использование мема «перемены» устойчиво воспроизводилось в рамках именно либерально-оппозиционного дискурса (вплоть до объявления песни Цоя гимном внесистемно-оппозиционной «Солидарности» в 2008 г.).

Конечно, многие россияне понимают «перемены» в соответствии лишь с общекультурным смыслом — как обозначение любых существенных, или даже просто любых (не обязательно качественных) изменений «правил игры» в общественной жизни. Поскольку упоминание о революционном характере желаемых изменений табуируется, при составлении анкет российские социологи обычно уточняют смысл стремления к «переменам», противопоставляя его стремлению к «стабильности». Действительно, *эволюционные* институциональные изменения стабильности общества не противоречат, зато *революционные* по определению ведут к её разрушению, к смене «правил игры». В результате совершенно внаучный термин «перемены» постепенно начинает выполнять в отечественном обществоведении роль ранее (в советские времена) общепризнанного концепта «революция», о котором неформально «приказано забыть».

Таким образом, выбранный в 1990-е гг. лидерами отечественной социологии путь отказа от восприятия постмарксистской социологии революции привёл к существенным трудностям. Не обращаясь к концепту революционных процессов, российские учёные вынуждены ограничиваться обозначением событий 1991–1993 гг. как травмировавших наше общество, уходя от обсуждения, идёт ли речь о самокалечении в результате хаотичных «социальных трансформаций» или о «родовой» травме, неизбежно сопровождающей рождение нового строя. Конечно, перефразируя пословицу, если «революцию» выгнать в дверь, она влезет в окно, вернувшись в научную терминологию в виде «перемен». Но надо ли изобретать велосипед, обозначая соответствующую сферу анализа как изучение стремления к переменам вместо изучения запроса на очередную революцию?

Список литературы

1. *Гарр Т.* Почему люди бунтуют. СПб. : Питер. 2005. 461 с.
2. *Глазьев С. Ю.* Теория долгосрочного технико-экономического развития. М. : ВладДар, 1993. 310 с.
3. *Голдстоун Д.* К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5(56). С. 58–103.
4. *Гудков Л., Зоркая Н.* Вытеснение истории: что осталось от мифа революции? // Вестник общественного мнения. 2017. № 1–2 (124). С. 161–181.
5. Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / М. К. Горшков [и др.] ; отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М. : Весь Мир, 2018. 384 с.
6. *Завалько Г. А.* Понятие «революция» в философии и общественных науках: проблемы, идеи, концепции. М. : КомКнига, 2005. 320 с.
7. *Заславская Т. И.* Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М. : Дело, 2004. 398 с.
8. *Заславская Т. И.* Избранные произведения : [в 3 т.]. М. : Экономика, 2007. Т. 2. Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. 590 с.
9. *Зюганов Г. А.* Драма власти. М. : Палея, 1993. 208 с.
10. *Латов Ю. В.* Что находится по ту сторону материального производства? Марксистские корни и институциональные ветви постиндустриальных теорий // Историко-экономические исследования. 2017. Т. 18. № 1. С. 7–29.
11. *Ленин В. И.* Две тактики социал-демократии в русской революции // Полное собрание сочинений. М. : Политиздат, 1960. Т. 11. С. 1–131.
12. *Ленин В. И.* Крах II Интернационала // Полное собрание сочинений. М. : Политиздат, 1969. Т. 26. С. 211–265.
13. *Маркс К.* Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 7. М. : Политиздат, 1956. С. 5–110.
14. *Маркс К.* Британское владычество в Индии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 9. М. : Политиздат, 1957. С. 130–136.
15. *Петухов В. В., Петухов Р. В.* Запрос на перемены: причины актуализации, ключевые слагаемые и потенциальные носители // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 119–133. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.09
16. *Пинкус С.* 1688 год. Первая современная революция. М. : АСТ, 2017. 926 с.
17. *Романовский Н. В.* Современная социология: детерминанты перемен // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 26–35.
18. *Скочпол Т.* Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 552 с.
19. *Тилли Ч.* От мобилизации к революции. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 427 с.
20. *Тощенко Ж. Т.* Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М. : Весь Мир, 2020. 352 с.

21. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М. : Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
22. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 3–12.
23. Шульц Э. Э. Революция: к вопросу об определении термина // Социологические исследования. 2014. № 4 (360). С. 132–142.
24. Шульц Э. Э. «Теория революции»: к истории изучения, систематизации и современному состоянию // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2015. № 1. Вып. 33. С. 167–172.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Латов Юрий Валерьевич – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия. *E-mail:* latov@mail.ru
AuthorID РИНЦ: 152966

Дата поступления в редакцию: 25.10.2020. Принята к печати: 14.12.2020.

DOI: 10.19181/snsp.2021.9.1.7869

From «Revolution» to «Transformations» and «Changes»? Development of Discourses of Analysis Qualitative Social Change

The research was supported by Russian Foundation for Basic Research, project 19-011-00277 «Social Transformation of Russian Society: Actors in the Demand for Change».

Yury V. Latov¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, b.1, Bol'shaja Andron'evskaja str., Moscow, Russia, 109544

For citation: Latov Yu. V. (2021). From «Revolution» to «Transformations» and «Changes»? Development of Discourses of Analysis Qualitative Social Change. *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika*. Vol. 9. № 1. P. 7–22. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.1.7869

Abstract. The popular condemnation of «revolutionaryism» in post-Soviet Russia is seen as contradicting the global trends in scientific analysis of the role of revolutions in the development of society, according to which it is the revolutionary institutional changes that are most important for social progress. These ideas were first comprehensively expressed by the founders of Marxism, and in the twentieth century. in Western sociological thought «completed», on the one hand, with the theories of the scientific and technological revolution, on the other hand, with the concepts of the sociology of revolution. The desire of Russian social scientists to overcome the legacy of Soviet «forced Marxism» led to a conscious alienation from the post-Marxist sociology of revolution. In Russian scientific discourse in the 1990s–2000s. there was a displacement of the discussion of revolutionary changes by using less specific concepts of «social transformation» and «change», and in the 2010s. it joined with the government's policy of a fundamental rejection of any revolutionary changes. As a result, Russian sociologists lose the ability to distinguish between revolutionary and evolutionary shifts in the development of Russian society, focusing mainly on their traumatic nature.

Keywords: sociology of revolution; marxist sociology; post-marxism; social transformation; change; «cultural trauma»; institutional change

REFERENCES

1. Gurr T. (2005). *Why People Rebel*. [Russ. ed.: Pochemu lyudi buntuyut]. SPb. : Piter publ. 461 p. (In Russ.)
2. Glaz'yev S. Yu. (1993). *Teoriya dolgosrochnogo tekhniko-ekonomicheskogo razvitiya*. [The theory of long-term technical and economic development]. M.: VlaDar publ. (In Russ.)
3. Goldstoun D. (2006). Towards a Fourth Generation of Revolutionary Theory. [K teorii revolyutsii chetvertogo pokoleniya]. *Logos*. No. 5(56). P. 58–103. (In Russ.)
4. Gudkov L., Zorkaya N. (2017). Vytesneniye istorii: chto ostalos' ot mifa revolyutsii? [Repression of History: What Remains of the Myth of the Revolution?]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*. No. 1–2 (124). P. 161–181. (In Russ.)
5. *Twenty Five Years of Russian Transformations: Experience of Sociological Analysis* (2018). [Dvadsat' pyat' let sotsial'nykh transformatsiy v otsenkakh i suzhdeniyakh rossiyan: opyt sotsiologicheskogo analiza]. M. : Ves' Mir publ. 384 p. (In Russ.)
6. Zaval'ko G. A. (2005). *Ponyatiye «revolyutsiya» v filosofii i obshchestvennykh naukakh: problemy, idei, kontseptsii*. [The concept of «revolution» in philosophy and social sciences: problems, ideas, concepts]. M. : KomKniga publ. (In Russ.)
7. Zaslavskaya T. I. (2004). *Sovremennoye rossiyskoye obshchestvo. Sotsial'nyy mekhanizm transformatsii*. [Contemporary Russian Society. Social Mechanism of Transformation]. M. : Delo publ. (In Russ.)
8. Zaslavskaya T. I. (2007). *Izbrannyye proizvedeniya. T. 2. Transformatsionnyy protsess v Rossii: v poiske novoy metodologii* [Favorites. T. 2. Transformational process in Russia: in search of a new methodology]. M.: ZAO «Izdatel'stvo «Ekonomika». (In Russ.)
9. Zyuganov G. A. (1993) *Drama vlasti* [Power drama]. M.: Paleya. (In Russ.)
10. Latov Yu. V. (2017) Chto nakhoditsya po tu storonu material'nogo proizvodstva? Marksistskiye korni i institutsional'nyye vetvi postindustrial'nykh teorii. [What is on the other side of material production? Marxist roots and institutional branches of postindustrial theories]. *Istoriko-ekonomicheskoye issledovaniya*. T. 18. No. 1. P. 7–29. (In Russ.)
11. Lenin V. I. (1960). Dve taktiki sotsial-demokratii v russkoy revolyutsii. [Two tactics of social democracy in the Russian revolution]. *Polnoye sobraniye sochineniy*. M.: Politizdat publ. T. 11. P. 1–131. (In Russ.)
12. Lenin V. I. (1969). Krakh II Internatsionala. [The collapse of the II International]. *Polnoye sobraniye sochineniy*. M.: Politizdat publ. T. 26. P. 211–265. (In Russ.)
13. Marx K. (1956). Klassovaya bor'ba vo Frantsii s 1848 po 1850 g. [Class struggle in France from 1848 to 1850]. In: Marks K., Engel's F. *Sochineniya*. T. 7. M.: Politizdat publ. P. 5–110. (In Russ.)
14. Marx K. (1957). Britanskoye vladychestvo v Indii [British rule in India]. In: Marx K., Engel's F. *Sochineniya*. T. 9. M.: Politizdat publ. P. 130–136. (In Russ.)
15. Petukhov V. V., Petukhov R. V. (2019). Request for Change: Factors and Causes of its Actualization, Key Components, and Potential Carriers. [Zapros na peremenu: prichiny aktualizatsii, klyuchevyye slagayemye i potentsial'nyye nositeli]. *Polis. Politicheskoye issledovaniya*. No. 5. P. 119–133. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.09 (In Russ.)

16. Pinkus S. (2017). *1688. First modern revolution*. [1688 god. Pervaya sovremennaya revolyutsiya]. M. : AST publ. 926 p. (In Russ.)
17. Romanovskiy N. V. (2009). Sovremennaya sotsiologiya: determinanty peremen. [Contemporary sociology: determinants of change]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. № 12. P. 26–35. (In Russ.)
18. Skochpol T. (2017). Gosudarstva i sotsial'nyye revolyutsii: sravnitel'nyy analiz Frantsii, Rossii i Kitaya. [States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China]. M.: Izd-vo Instituta Gaydara publ. 552 p. (In Russ.)
19. Tilli Ch. (2019). *From Mobilization to Revolution*. [Ot mobilizatsii k revolyutsii]. M. : Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki publ. 427 p. (In Russ.)
20. Toshchenko Zh. T. (2020). *Obshchestvo travmy: mezhdu evolyutsiyey i revolyutsiyey (opyt teoreticheskogo i empiricheskogo analiza)*. [Society of Trauma: Between Evolution and Revolution (An Experience of Theoretical and Empirical Analysis)]. M.: Ves' Mir. 352 p. (In Russ.)
21. Hantington S. (2004). *Political order in Changing Societies New Haven*. [Russ. ed.: Politicheskij poryadok v menyayushchikhsya obshchestvakh]. M.: Progress-Traditsiya publ. (In Russ.)
22. Shtompka P. (2001). Kul'turnaya travma v postkommunisticheskom obshchestve. [Cultural trauma in post-communist society]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 2. P. 3–12. (In Russ.)
23. Shulz E. E. (2014). Revolyutsiya: k voprosu ob opredelenii termina. [Revolution: on the definition of the term]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2014. No. 4 (360). P. 132–142. (In Russ.)
24. Shulz E. E. (2015). «Teoriya revolyutsii»: k istorii izucheniya, sistematizatsii i sovremennomu sostoyaniyu. [«The theory of revolution»: on the history of study, systematization and the current state]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika»*. No. 1. Vol. 33. P. 167–172. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Latov Yuri Valerievich, Doctor of Sociology, Chief Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.
E-mail: latov@mail.ru.
ORCID Id: 0000-0001-7566-4192
Web of Science ResearcherId: P-7344-2016
Scopus Author Id: 35769274400

The article was submitted on October 25, 2020. Accepted on December 14, 2020.